

Рынок на Восточной улице уезда Гуанъюань пестрел изобилием товаров и был одним из самых любимых мест отдыха простых горожан.

Жители провинции Линьюй по большей части отличались открытым, горячим нравом и ценили свободу превыше всего, однако правила на рынке Восточной улицы соблюдались неукоснительно: торговлю открывали на рассвете в часы мао и закрывали в часы хай, никогда не затягивая до наступления часа цзы.

— Малышка, нравится? Купи одну, всего одна вэнь.

Ли Гоуэр с привычной ловкостью доплел травяного кузнечика и протянул его стоявшей рядом девочке.

Кузнечик ярко-зеленого цвета, с глазами, искусно выделенными коричневыми пятнами осоки, выглядел удивительно живым и забавным. С левой стороны от него лежали пучки свежесобранной осоки: хотя он торговал не овощами, парень проявил сообразительность и слегка сбрызнул их водой, чтобы листья казались еще свежее.

Справа от нового разносчика красовалось еще несколько только что сплетенных кузнечиков.

Ли Гоуэр не был местным уроженцем уезда Гуанъюань, да и сами такие травяные игрушки в провинции Линьюй в диковинку. Многие дети и парочки охотно покупали их, так что он неплохо на этом заработал, и глаза его непрерывно щурились от улыбки.

Не зря говорят: нужда заставит искать выход. Ли Гоуэр родился в низах, но отличался острым умом и вовсе не собирался оставаться заурядным ремесленником, привязанным к одному месту и одному ремеслу. Этому искусству плетения из травы он научился в провинции Лушэн, а теперь собирался отправиться в провинцию Чжоуяо — тамошние жители купались в богатстве, так что, пожалуй, за такого кузнечика можно будет просить уже по три вэни.

— Мне не нужен кузнечик, я хочу купить немного такой травы. Сколько она стоит?

Стоявшая рядом девочка заговорила. Голосок ее звучал звонко и чисто, но слова прозвучали крайне неожиданно.

Ли Гоуэр поднял глаза и окинул ребенка оценивающим взглядом. На вид ей было примерно двенадцать-тринадцать лет. Личико белое и нежное, одета просто и аккуратно, на поясе завязан матерчатый мешочек с вышитым тигром — иероглиф «ван» на лбу зверя был вышит с поразительной живостью.

— Эта трава в общем-то ничего не стоит, раз она тебе нравится, малышка, бери пучок поиграть. Я как раз сворачиваю лавочку, ступай домой пораньше, судя по небу, скоро хлынет сильный ливень.

С этими словами Ли Гоур прищурился и поднял взгляд на облака в небе, словно говоря: в ливень хорошей торговли не жди.

— Тогда я её возьму!

Девочка весело улыбнулась, излучая чистую, невинную наивность.

Она присела на корточки, забрала́ бо́льшую часть травы и, ни капли не брезгуя грязью, прижала охапку к груди и быстро зашагала прочь.

— Эх, непутёвый ребёнок! —

Едва её силуэт растворился вдали, как с неба хлынул проливной дождь, заставив Ли Гоура проглотить слова, которые он так и не успел договорить.

Совсем не умеет быть вежливой!

Та самая девочка, которую Ли Гоур назвал непутёвым ребёнком, была не кто иной, как Ван Цзи.

Воспользовавшись тем, что у неё ещё было полно свободного времени после возвращения домой, она сменила одежду на всё свежее и чистое и теперь сидела в крытой галерее, с удовольствием любуясь дождём.

Во рту Ван Цзи торчали самые нежные травинки, а в руках она ловко плела кузнечика. Всего пара движений — и фигурка была готова, пожалуй, получалось даже быстрее и искуснее, чем у профессионального мастера.

Сестрица Цинцзя ещё не вернулась, судя по всему, задание, порученное Чжан Юйгэ, провалилось. Ван Цзи додумала до этого момента, небрежно привязала травяного кузнечика к углу столба и вздохнула, словно маленький взрослый. Затем она взяла двенадцать камышинок разной длины, разложила их в ряд, сгребла обратно, снова раздвинула, повторила это трижды и, внимательно присмотревшись, свирепо нахмурилась.

Вот здорово, если сестрица Цинцзя вернется сейчас, она определенно будет выглядеть потрепанной и по уши в неприятностях.

Ван Цзи крайне недовольно выплюнула травинку изо рта, отерла испачканные соком уголки губ чистым шелковым платком из пазухи, а затем перевернула его и тщательно досуха вытерла руки, соприкасавшиеся с камышом.

Впрочем, ладно, если не лезть в чужие дела, неприятности до нее самой не доберутся, но вот

напомнить сестрице Цинцзя, чтобы та приготовила рыбу в кисло-сладком соусе, нужно обязательно.

Ван Цзи внезапно снова улыбнулась и очень ловко переоделась в дождевик и дождевые сапоги.

— Цзи-эр! Цзи-эр! Выйди, помоги!

Голос Фэн Цинцзя выдавал редкую для нее высоту и крайнюю тревогу.

Будучи наставницей, она всегда держалась с достоинством и соблюдала все приличия.

Ван Цзи мгновенно всё поняла.

У них гостья.

Она помогла незнакомой ослепительно красивой девушке сойти вниз, а ее изящная ручка очень вовремя легла на запястье этой женщины — причем, будто не рассчитав усилия, Ван Цзи с силой надавила на болевую точку.

Ван Цзи была мала годами, но силы в руках ей было не занимать. От этого исподтишка нанесенного удара Цзяньэр сурово нахмурилась.

Эта особа владела боевыми искусствами, но сейчас была ранена, так что после подобного нажима ее состояние лишь усугубилось.

Ван Цзи хихикнула и совершенно непринужденно отпустила руку.

Если переборщить с шутками, можно навлечь на себя гнев гостьи, а это ни к чему.

Войдя под навес галереи, та девушка тихонько прислонилась к внутренней стороне столба.

Она спрятала запястье обратно в рукав, отвела руки за спину и загадочно улыбнулась Ван Цзи, даже выказав какое-то подобие дружелюбия, отчего Ван Цзи почему-то стало невероятно противно.

— Мое имя Цзяньэр, а как зовут юную госпожу? — тихо произнесла Цзяньэр.

— Односложное имя Цзи, в значении «дождь прекратился, небо прояснилось».

Ван Цзи бросила взгляд наружу, с улыбкой на губах и крайне непринужденным тоном

добавила:

— Судя по всему, этот дождь зарядил надолго.

А раз так, тебе придется задержаться здесь подольше, как же это раздражает.

Изогнутая дугой бровь Ван Цзи красноречиво выражала именно эти мысли.

Девушка перед ней назвала лишь расплывчатое имя, ее происхождение было неизвестно, но одного ее лица хватало, чтобы выглядеть дерзко и ярко, а манеры и общая аура выдавали в ней далеко не простого человека.

Красавицам с такой внешностью не положено просто так слоняться по улицам и подбираться кем попало, как бродячие кошки или собаки.

Ван Цзи изо всех сил напрягла все свои знания, чтобы раскусить эту особу.

Кожа, которой она только что коснулась, была невообразимо гладкой — очевидно, та с детства привыкла жить в роскоши. Если она знакома с сестрицей Цинцзя, то вполне может оказаться дочерью кого-то из Двенадцати кланов округов; а раз она владеет боевыми искусствами, это указывает либо на то, что ее положение в семье весьма высоко, либо на то, что она родом из трех провинций, где почитают боевые искусства — Чжися, Цзянсюэ или Хуаньсуй. К тому же она ранена, но говорит на чиновничьем наречии без какого-либо акцента, что явно выдает намеренную маскировку.

— И то верно, по крайней мере, до завтрашнего утра он не перестанет.

Взгляд Цзяньэр сверкнул — невероятно красивый взгляд, — а голос звучал немного хрипло, должно быть, из-за непогоды.

Заметив ее прелестный облик, Ван Цзи на миг опешила и лишь после этого заставила себя внимательно приглядеться к ее чертам лица. Если говорить об этой девушке, она появилась на пороге донельзя странно, из-за чего Ван Цзи, отвлекаясь на размышления о другом, упустила из виду самое первое и очевидное.

Ослепительная красота.

Все заготовленные у Ван Цзи подозрения не устояли перед этим мгновенным помрачением рассудка.

Такие персиковые глаза — поистине, среди этой туманной измороси ей чудилось цветение персиковых садов в разгар третьего месяца.

Невероятно, её сестрица Фэн Цинцзя определенно притащила домой какого-то демонического соблазнителя!

— Вы ученица госпожи? — поинтересовалась Цзяньэр.

Фэн Цинцзя обращалась к ней с большой нежностью, казалось, эти двое уже давно жили под одной крышей.

При этом девочка производила впечатление крайне проницательной и не по годам развитой.

— Нет, но судя по тому, как ты зовешь её госпожой... — Ван Цзи улыбнулась с видом наииспаннейшей невинности. — У сестрицы Цинцзя учеников по всему свету не счесть, неужто она и впрямь взяла тебя в ученицы?

— К сожалению, у Цзяньэр не хватило благословения судьбы.

Цзяньэр опустила взгляд, выказав предельную покорность, а в её голосе слышалась едва уловимая нотка сожаления.

Её алые одежды намокли, отчего цвет стал темнее, а ткань на голених казалась почти черной.

Атмосфера на мгновение наэлектризовалась.

— Цзи-эр, сегодня я никак не успеваю приготовить рыбу. Будь добра, возьми эти серебряные монеты и сходи купить на вынос лучшие блюда из Ланьютэге, хорошо?

Закончив разбираться с одеждой, Фэн Цинцзя быстро подошла ближе. Её лицо, хлестнутое дождем, казалось бледноватым, но на нем играла виноватая улыбка. Достав из-за пазухи ситцевый кошель, она бережно вложила его в ладонь Ван Цзи.

— Госпожа Цзяньэр, прошу прощения за беспокойство.

Ван Цзи кивнула ей и, вопреки ожиданиям, не стала жаловаться, а весьма решительно направилась к выходу.

И впрямь старые знакомые...

Тогда ей лучше не совать во всё это нос.

Ланьютэге была одним из лучших ресторанов в уезде: блюда там подавали легкие, изысканные, приготовленные с большим мастерством, изобилующие сезонными деликатесами. Заведение славилось кухней столичного разлива, но и цены запрашивало баснословные.

Ван Цзи прищурилась.

Аристократка из Цанпина... неужели?

Шёл четырнадцатый год Хунву — последний год этого девиза правления.

Какое совпадение.

— Госпожа Цзяньэр, моё жилище весьма убого, а гостиная слишком тесна, чтобы засиживаться в ней надолго. Если вы не брезгуете, то лишь моя комната еще годится для того, чтобы принять вас на ночлег.

Фэн Цинцзя была значительно выше Цзяньэр. Облаченная в тесно запахнутые простые одежды, с рассыпанными прядями волос, она смотрела на гостью.

Она испытывала неловкость, считая подобный жест верхом бестактности, но другого приличного места для приема просто не было, и оставалось только смириться.

— На ночлег...

Цзяньэр тихонько покашляла, прикрыв глаза и опустив голову, прислонившись к столбу.

Ей было плохо.

Фэн Цинцзя казалось, что у нее на висках выступает столько пота, что его хватило бы перецеготеть бушующий снаружи дождь.

В такой ситуации нельзя было упрямыться — здоровье этого человека превыше всего.

— Можно остаться и на несколько дней.

Фэн Цинцзя услышала, как Цзяньэр совсем тихонько хмыкнула — возможно, ей просто послышалось. Однако в следующее мгновение гостя стала оседать, словно её хрупкое тело больше не держали ноги.

Она подхватила её чисто рефлексивно.

Оказавшись совсем близко к Цзяньэр, Фэн Цинцзя отчетливо расслышала ответ:

— Идет.

Пожалуй, никто на свете не умел произносить это слово так красиво.

Фэн Цинцзя тронула губы легкая улыбка.

Даже несмотря на то, что сама она никогда не любила подчиняться чужой воле.

К этому моменту Цзяньэр уже потеряла сознание.

Её губы пересохли и побледнели, а тонкие рукава, скрывавшие руки, выдавали ненормальный жар — в такую погоду тело должно было стыть, а не гореть, судя по всему, у нее поднялась лихорадка.

Пробормотав извинения, Фэн Цинцзя без труда подхватила Цзяньэр на руки и направилась в спальню.

Бросив взгляд мельком на её шею, она заметила, что там уже выступила мелкая красная сыпь.

Эту одежду непременно нужно сменить.

И всё-таки ухаживать за этой особой — удовольствие слишком хлопотное и разорительное.

Цзяньэр очнулась уже посреди ночи.

Дождь на улице стих, яркий лунный свет струился сквозь оконную решетку и некстати потревожил её чуткий сон.

Рассчитав время, Фэн Цинцзя как раз подогрела еду и теперь расставляла её на столе.

У Цзяньэр тяжело и затуманенно опускались веки. Потерев пальцами край одежды, она сразу

ощутила совершенно иную фактуру ткани и поняла, что её переодели; постель оказалась слегка потертой, но на ощупь — в самый раз, и от неё исходил едва уловимый, очень приятный успокаивающий запах.

— Госпожа, у меня совсем нет аппетита.

Она попыталась пошевелить ногами и действительно почувствовала небывалую тяжесть — те словно налились свинцом и не слушались.

— Съешьте хоть немного, у вас жар, нужны силы.

Фэн Цинцзя ни словом не обмолвилась о её ранении. Серебряными палочками она аккуратно отобрала кусочки самых нежных и аппетитных блюд, положила их в маленькую деревянную пиалу, сама попробовала по кусочку каждого и лишь после этого переложила еду в изящную белоснежную фарфоровую чашку.

— Давно я не слышала цинь. Если госпожа соизволит сыграть мелодию и разогнать тоску, я поем.

Цзяньэр собралась с силами и перевела взгляд на висящий на стене длинный цинь: хотя на нем не было пыли, казалось, что на инструмент опускали руки далеко не каждый день.

Какая жалость.

Фэн Цинцзя не стала отказываться, кивком выразила согласие и попутно заботливо подвинула чашку ближе к её руке.

Движения, с которыми она сняла цинь со стены, были исполнены привычной уверенности.

Цзяньэр едва слышно выдохнула.

Она... всё же согласилась сыграть для неё.

— Я давно не брала инструмент в руки, пусть госпожа Цзяньэр не судит строго.

Фэн Цинцзя аккуратно уложила на запястье нить бусин, тщательно омыла руки, вокурила благовоние и лишь после этого неторопливо уселась перед цинем.

Каждое её движение было исполнено размеренности, подобающей истинному знатоку и ценителю музыки.

В этот момент дождь утих, поднялся легкий ветерок, небо очистилось от облаков, сияла луна без единой звезды.

Не глядя на Фэн Цинцзя, Цзяньэр медленно ела, не издавая зубами ни малейшего звука.

Вступление звучало чисто и легко, словно в пустых горных ущельях.

Затем мелодия сделалась тоскливой и надрывной, поплыла дальше, подобно скорби, что растопилась в воде и пропитала горы.

В финале мысли спутались, отражая горечь расставания и метания души; казалось, водяной пар поднимается к небесам, чтобы в конце концов раствориться в абсолютной тишине.

Воспоминания о старом друге.

Однако здесь не хватало еще одного фрагмента.

По правилам исполнения, в конце следовало добавить легкий перелив, символизирующий тоску, которая никак не хочет отпустить сердце — именно так играли обычно.

Но в трактовке Фэн Цинцзя концовка словно означала расставание и растворение в безбрежных просторах мира, где больше нет места былой тоске.

Не самый лучший знак.

К тому моменту, когда мелодия затихла, Цзяньэр уже закончила трапезу и отставила пиалу с палочками в сторону.

Она заметно прибавила в силах, приподнялась на ложе и поклонилась настолько низко, насколько позволяло положение, а её голос прозвучал твердо, чеканя каждое слово:

— Прошу госпожу помочь мне!

<http://bllate.org/book/21759/2250156>